

18+

ВИКТОР УЛИН
КОМНАТА №11
ПОД
РАДУГОЙ

Виктор Улин

Комната N11. Под радугой

«Издательские решения»

Улин В.

Комната N11. Под радугой / В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-605989-4

Жизнь современного российского студента — сына неразумных родителей — безрадостна. Ему приходится поступаться желаниями и интересами ради будущего, которое приятными методами обеспечить нельзя. Но чувственность берет верх и он прозревает. Привязанность к первой женщине — иррациональная и неконструктивная — томит его все сильнее. Но он, вероятно, не смог бы принять решений, не возникни других женщин. В чем-то странных, но поворачивающих лицом к проблемам. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-605989-4

© Улин В.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	13
3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Комната N11 Под радугой

Виктор Улин

Гульшат Г.

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023

© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-5989-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Ибо сын позорит отца, дочь восстает против матери,
невестка – против свекрови своей; враги человеку – домашние
его.»*

(Мих. 7:6)

1

На столе царил развал.

Пиво заканчивалось, градус созревал.

О последнем говорила регулярно хлопающая кухонная дверь. Спальню кто-то оккупировал всерьез и надолго, кваканье музыки не заглушало непристойных звуков.

Я сидел, рассеянно ковырял остатки магазинного салата и думал, что за год тут ничего не изменилось.

Точнее, стало еще веселее.

Родители моего друга Андрея – классические «*новые русские*» – жили за городом в коттеджном поселке и никому не докучали. Сыну купили двухкомнатную квартиру, как предполагалось – для будущей семейной жизни.

Но будущая жизнь оставалась будущей, а в настоящей приятель устраивал здесь грандиозные тусовки.

По-старому они именовались «*вечеринками*», сейчас я не подобрал бы точного названия для подобного сборища.

Сюда приходили для того, чтобы выпить пива и поиметь девушку.

Причем практически любую.

В двадцать один год это составляло главный смысл бытия, хоть я ощущал некоторые угрызения совести из-за того, что опять сюда пришел.

Угрызаясь слишком долго, я прибыл поздно, всех девчонок разобрали, за столом нашлось единственное свободное место.

Свою соседку я никогда раньше не видел.

Эта девушка выбивалась из разряда привычных.

Круглое деревенское лицо выдавало обительницу общежития.

Раньше к Андрею ходили только городские, иногородние тусовались сами по себе.

Видимо, за время моего отсутствия здесь обновился контингент.

Высокая, с небольшим бюстом, соседка имела красивые ноги, подчеркнутые короткой юбкой.

Но в целом она казалась скованной.

Вероятно, таковой и была, иначе не просидела бы тут до моего прихода.

Отметив это, я подумал, что все складывается как нельзя лучше: меня принесла нелегкая, но соседка бесконтактна и я уеду, ничего не совершив.

– Тебя как зовут? – спросил я, поймав на себе внимательный взгляд.

– Вера, – ответила она так, словно давно ждала вопроса. – А тебя?

– Даниил, – ответил я, рассматривая ее простенькую улыбку.

– Ты откуда? – спросила Вера. – Я тебя у нас в общаге не видела.

В голосе прозвучало легкое «*о*», но не имелось намека на татарский акцент, характерный многим русским в нашем областном центре.

Она, конечно, была деревенской, причем не из пригорода.

– Оттуда, – ответил я. – В смысле не из общаги. Я тебя тоже не видел нигде. Но сейчас увиделись. Это плохо?

– Не знаю. Наверно, хорошо.

Я скопился на ее оголенное бедро.

Телесные колготки выглядели дешево.

Кто-то прошел мимо стола, толкнул в плечо тугой грудью.

Это вряд ли служило намеком, просто здесь было мало места, а на мелочи не обращали внимания.

– ...Данилец, лишний презер есть? Сто лет тебя не видел, кстати.
Я поднял голову.

Ко мне склонился Игорь – черноволосый недомерок, «*косящий*» под одного амеро-китайского актера.

– ...Эльвирка так не дает, боится залететь, а я что-то лопухнулся.
– Лишнего нет, – ответил я. – Займи очередь и сбегай в «*Полушку*».
Что-то пробормотав, Игорь двинулся дальше.

Эльвира – состоящая из одних ног – следовала за ним, возвышаясь на целую голову.

– Ты здесь часто бываешь? – поинтересовалась соседка. – Вижу, ты свой среди своих.

– Раньше бывал часто, – ответил я. – Но целый год не приходил. И, если честно, не уверен, что стоило. А ты тут в первый раз?

– В первый.

– Как ты сюда попала вообще?

– Долго объяснять, как-то попала.

– И уже о том жалеешь?

– А тут все со всеми трахаются, да? – спросила Вера, не отвечая на вопрос.

– Все со всеми и еще как. Но по-разному. Кто успевает захватить спальню, оттягивается всерьез. Остальные на кухне, занимают очередь, там все по пять минут, быстрый перепих, отряхнулись и пошли.

– Ясно, – непонятно проговорила она и поправила юбку.

– Слушай, Вера, – сказал я, ощущая толчок малодушного облегчения. – Может, уйдем отсюда? Поедем куда-нибудь, просто погуляем по городу, сейчас как раз яблони цветут и все такое прочее.

– Надоели мне яблони. И раз уж я сюда пришла, то...

Соседка поправила юбку еще раз.

Причем так выразительно, что ни один нормальный парень на моем месте не стал бы сидеть, как пень.

А я был нормальным.

Подумав еще секунду, я опустил ладонь на ее бедро.

Колготки на ощупь оказались еще более дешевыми, чем на вид, но нога порадовала крепостью.

Вера улыбнулась.

– Ну что, пойдём тогда, что ли? – почти обреченно спросил я, пощупав ее повыше.

– Пойдем, – просто ответила она. – Чего тут тянуть кота за хвост.

– Спальня давно занята?

– Перед самым твоим приходом туда зашли.

– Кто? – машинально спросил я, хотя это не имело значения.

– Не знаю, – Вера пожала плечами. – Я же говорю, тут первый раз, вообще никого не знаю.

Она большая, белая, как булка, и без лифчика, он обычный.

– Ирина Сведенцова, – догадался я. – Привычек не изменила. Это надолго. Нам с тобой придется идти на кухню.

– На кухню так на кухню, у меня и времени нет вообще-то.

Я встал.

Мои пальцы пахли нагретым влажным капроном.

Под закрытой кухонной дверью никто не стоял, мы появились тут вовремя.

– ...Вы последние?

В коридорчике стояла Таня – староста параллельной группы.

Года два назад мне однажды удалось занять с нею спальню.

Особого удовольствия я не получил, эта девушка думала только о себе.

Сейчас с ней был незнакомый парень с лицом тупым и пустым, как у боксера.

– Вроде бы да, – ответил я.

– Тогда мы будем за вами, скажи, если кто придет, пока покурим на балконе.

– Хорошо, – пообещал я и повернулся к Вере.

Стоя она оказалась существенно ниже меня и смотрела снизу.

Но очень спокойно и как-то понимающе.

– Слушай... – заговорил я, опять подумав, что еще можно сделать шаг назад.

Дверь распахнулась, из кухни вывалился мой одноклассник Артем, на ходу застегивая штаны.

Следом показалась Настя, с которой на курсе не имел интимного дела только маменькин сынок Рома Фокин.

– Свободно, – сообщила она, взглянув на меня. – Удачи тебе, Данилыч.

– И тебе того же, – ответил я и подтолкнул Веру вперед.

Все решили за меня.

Просторная Андреева кухня казалась тесной из-за оседаемо плотной смеси запахов пота и всего, что сопутствует процессу. Майский воздух, ползущий в отдраенную створку, лишь подчеркивал свершающееся буйство плоти.

Притворив дверь, я задвинул ее табуретом.

Жесткое кресло, втиснутое между столом и столешницей, было застелено несколькими слоями покрывал.

На простыне, брошенной сверху, темнели мокрые пятна.

– У вас тут как на производстве, – оглянувшись по сторонам, сказала Вера. – Не хватает только станка.

– Может, все-таки уедем? – предложил я. – Как-то все это стало напрягать.

В дверь постучали – энергично и точно.

– Таня, отстань, – крикнул я. – За вами никто не занимал, вы первые после нас.

Вера непонятно усмехнулась.

– Так, может быть... – повторил я.

– Сидя не люблю, давай стоя, – сказала она. – Сзади, я на стол обопрусь. Мне так удобно и тебе должно быть тоже.

– Ну давай, – я вздохнул. – Раз уж пришли.

– У тебя презеров только лишних нет, или вообще нет?

– Есть даже лишние, – ответил я. – Просто Игоря не люблю. Он придурок и урод, как все Игоря вообще. А надо презер?

– Надо.

– Боишься залететь, как эта дура Эльвирка? Так я не Игорь, если у тебя опасный день – выну, какие проблемы.

– Залететь я не боюсь. Просто не хочу портить свою микрофлору.

Мне казалось смешным опасаться за свою микрофлору, если приходится ездить в общественном транспорте и держаться за те же поручни, что и пенсионеры, которые моются раз в неделю.

Но каждый имел право на свои причуды. Учить девушку реальному восприятию жизни я не собирался.

– Надо так надо, – я вздохнул. – Сейчас штаны сниму и надену.

– Давай его сюда, – обыденно попросила Вера. – Я сама.

– Ты мне не доверяешь?

Я усмехнулся.

– Нет. То есть да, – ответила она. – Я тебе доверяю. Просто люблю все делать сама.

– Держи, – я вытащил из заднего кармана блестящий пакетик. – Руку только не порань, когда будешь распечатывать.

– Не учи ученого, съешь сома копченого, – с усмешкой ответила она.

– Ты, часом, не девственница? – спросил я.

Вопрос имел не ту остроту, какая могла подуматься первой.

Некоторые сельчанки долго хранили девственность, но жизнь в городе поворачивала лицом к прогрессу.

К Андрею никто никого не загонял, все контакты происходили по обоюдному желанию, Вере я трижды предлагать от всего отказаться.

Сама ситуация сейчас была ее выбором, не моим.

Но я не хотел пачкать джинсы кровью.

Поэтому все следовало прояснить сразу и в случае чего наконец дать задний ход.

– Я похожа на дуру? – ответила Вера, скорчив выразительную гримасу..

– На дуру ты не похожа, – согласился я. – Ты вообще по всем параметрам современная девушка..

Шокирующая простота беседы была естественной.

Мы вели себя так, как полагалось.

Вера обитала в общежитии, напоминающем коммунистическую семью, о которой когда-то мечтал Ленин.

Завернув юбку, Вера повернулась лицом к столу.

Динамика шла по правилам.

– Колготки сама спушу, – предупредила она. – Ты зацепок наставишь. А они совсем новые.

Замечание входило в образ деревенской девушки, следящей за каждой ниткой на своей одежде.

Свежие на вид трусики закатались во влажный капроновый жгут, забелели у самых колен.

– Входи, – сказала Вера и наклонилась вперед.

– Попа у тебя – высший класс, – сказал я. – Сегодня все сидят на диете и такую увидишь нечасто.

– Я знаю, – скромно подтвердила она. – Не ты первый об этом говоришь.

– Дай бог, чтобы не последний, – ответил я и взялся за круглые ягодичы.

– Джинсы сними до конца! А то молнией колготки порвешь. Я уже сказала, они совсем новые.

Я нагнулся, расправил спущенные джинсы, чтобы они не мешали уверенно стоять.

Из темной щели пахнуло свежим, почти девичьим.

Не удержавшись, я потрогал Веру пальцем.

– Щёкотно! – засмеялась она. – Давай входи уж!

– Вхожу, – послушно ответил я.

– Подожди, я раздвину. Губки у меня длинные, замнешь внутрь, будет неудобно.

Крепкие пальцы знали свое дело.

– Ох, – сказала Вера. – Он у тебя большой.

– Тебе больно? – спросил я.

– Нет, в самый раз.

Белая казенная часть надвинулась, слилась со мной воедино.

Зад такого типа мой университетский друг – не жизнелюбец Андрей, а эстетствующий философ Наиль – именовал «плебейским».

Слово не имело уничижительного смысла, оно означало, что женщина подобного сложения генетически запрограммирована на тупую тяжелую работу.

Сам себя я считал баринком и знал, что вывернусь наизнанку, но никогда в жизни не стану заниматься никаким физическим трудом, даже самым легким. Пока это получалось, я уверенно шел вперед.

Но с Верой я не собирался создавать семью, вступать в свойственные отношения с ее деревенскими корнями.

Я просто занимался с нею сексом, сюда приехал правильно.

– ...Мяу!..

Табурет с грохотом отполз в сторону, дверь приотворилась.

– Идите нафик! – крикнул я. – Пять минут можете подождать или нет?

– Кончить не дадут, – сочувственно сказала Вера. – Козлы ебливые, извини за выражение.

– Кстати, насчет кончить, – я остановился. – Ты как любишь? Ясно дело, пропущу тебя вперед. Как надо, только скажи?

– Никак не надо. В смысле, что трахаться я смерть как люблю, а кончаю только когда привыкну. А мы с тобой в первый раз, не получится.

– А будет второй? – невольно спросил я, притискивая горячий белый зад.

– Как получится, – лаконично ответила она. – Ну ладно, давай, продолжай, трахай меня и кончай, сейчас опять начнут ломиться.

– Сейчас, – пообещал я. – Потерпи чуть-чуть.

– Я не терплю, – возразила Вера. – Мне на самом деле приятно, а что кончить сейчас не смогу, так это ерунда.

Среди грязных тарелок и стаканов на столе стояла маленькая фигурка балерины, надевающей туфельку.

Китайская по исполнению, она выглядела очень трогательно.

И даже юбка из сетки, отдельно приклеенная к голым пластиковым ногам, вызывала бурю чувств.

Такая девушка не могла оказаться у Андрея.

– Все, – сообщил я неожиданно для себя. – Спасибо, Вера.

– Так тихо?!

– Я все делаю тихо. А ты стой, чтобы презер не соскользнул.

Осторожно разъединившись, я снял с себя мешочек, завязал и бросил в ведро под мойку.

Там скопилось столько резиновых узелков, что ими можно устроить население области.

– Возьми вот, вытрись, – Вера протянула салфетку. – А то тебе придется стирать.

– Вер, спасибо, – еще раз сказал я, застегнувшись. – Мне с тобой понравилось.

– Мне тоже, – просто ответила она.

– Может быть, отдохнем и повторим, – предложил я.

Со мной творилось что-то странное.

Еще десять минут назад я делал отчаянные попытки развернуться и уехать отсюда прочь.

А сейчас понял, что хочу оказаться с Верой еще раз.

– Сегодня нет, – она покачала головой. – Мне скоро уходить, сестренка из деревни придет на один вечер.

– Ясно, – ответил я и обдернул на ней юбку.

– Ты хочешь потрахаться по-человечески: не стоя, а лежа, и чтобы дверь не выносили каждую секунду?

– А ты как думаешь, – сказал я.

– Думаю, что да.

– Мыслишь верно.

Сорвавшись раз, я не мог остановиться.

– Только, стыдно признаться, у меня нет условий. Вообще никаких, иначе бы сюда не приходил.

- А кто говорит про твои условия? – сказала Вера. – Приходи ко мне в общагу.
- В общагу? – перепросил я.
- Ну да. Там, конечно, не «Хилтон», но хотя бы есть кровать. Завтра и приходи. Два ближайших дня у меня были плотно заняты, причем не по моей воле. Я почувствовал досаду, но жизнь диктовала условия.
- Спасибо, Вера, – я вздохнул. – К тебе в общагу – это как раз то, о чем я мечтал всю сознательную жизнь...
- Спасибо на добром слове!
- ...Но завтра я не смогу, и послезавтра тоже. Хоть тресни, никак. Можно, приду послезавтра?
- Конечно можно, – она кивнула. – После-послезавтра, сразу после занятий.
- После чьих занятий? – уточнил я. – Мы вроде с разных факультетов, я тебя по универу не помню. Я на информационных технологиях, последний курс бакалавриата, у меня занятия когда сам захочу, тогда и закончатся. А ты?
- Я вообще экономист, на втором курсе и занятия посещаю от и до, у нас проверяют, как гестапо. Часа в три приходи, в четыре. Нашу общагу знаешь?
- Знаю, конечно: я тоже когда-то ездил в универ на трамвае. На углу Аксакова и Свердлова, у самой остановки. Через квартал от главного корпуса?
- Нет, Данил, я в другой живу. Возле универа пятая, я в седьмой.
- Слушай, а это где?
- В Зеленой Роще.
- И ни фига ж себе тебя занесло! – я покачал головой. – Как ты оттуда едешь на занятия?
- Никак не езжу, просто хожу. Это же как раз около экономфака.
- Надо же... – я вздохнул. – Как я отстал от жизни...
- Найдешь?
- Найду, конечно, по карте чего не найти? Но сколько живу на свете, в общаге ни разу не бывал. Меня туда пустят вообще? При входе обыщут?
- Не обыщут. До двадцати трех часов пропускают кого угодно по студбилету.
- Отлично. Через два дня жди. Какой у тебя номер комнаты?
- «*Две пиписьки*», – ответила Вера.
- Две чего?
- Пиписьки. Номер – одиннадцатый. Она говорит, что ей напоминает.
- Она – это твоя сестренка? – догадался я.
- Моя соседка. Ей все на свете напоминает пипиську.
- Круто.
- Вера поморщилась.
- Вы там болтать долго будете? – опять послышался Танин голос.
- Уже не долго, – ответил я и убрал табуретку от двери.
- Воздух квартиры казался свежим после кухни.
- Словно дождавшись момента, на Вере замурлыкал мобильник.
- Ну вот, – сказала она. – Не тем автобусом приехала, раньше. Пора бежать. Хорошо, успели потрахаться.
- Дай я тебя хоть поцелую, – попросил я.
- Зачем?
- Не знаю. Просто захотелось.
- Сейчас не будем целоваться. Помаду смажешь, перекрашиваться перед улицей неохота. Придешь в гости – поцелуешь все, что захочешь.
- Хорошо, – согласился я. – Может, тебя подвезти? Я на машине.
- Да нет, спасибо, поеду на маршрутке, меня укачивает.

– Ну ладно тогда, – я кивнул. – До послепослезавтра.

– До послепослезавтра, – ответила Вера и пошла в переднюю.

В комнате ничего не изменилось – все так же пахло пивом и салатом, все так же обжигались парочки, готовясь к походу на кухню.

Сменившие нас управились быстро. Незнакомый парень скользнул в ванную, Таня прошла мимо меня на балкон, опять закурила.

Я выглянул туда.

– Пичугин, что тебе надо, – не оборачиваясь, она выпустила струю дыма. – Скройся, не мешай релаксу.

Я пошел прочь.

Больше здесь делать было нечего.

2

Во времена прежних поколений студенты только учились и веселились.

Кое-кто – например, Андрей – веселился и сейчас, у него имелись условия. Я веселился мало, на веселье не хватало сил.

У Андрея были нормальные родители, у меня – такие, что не хотелось говорить.

Я, конечно, и при них бы не голодал и ходил не в сланцах с вьетнамского рынка, но минимального уровня благ недоставало.

Последние два года – на третьем и четвертом курсах университета – я работал.

Точнее, служил проходящим компьютерщиком в небольшой сети ресторанов «*Русская пицца*».

Работа давала возможность не чувствовать себя отбросом, но высасывала силы, поскольку при всем прочем мне приходилось учиться.

Учился я по-настоящему – не только потому, что не имел денег на покупку оценок. Прежде всего я хотел овладеть специальностью, мечтал в будущем жить лучше, чем в настоящем.

Сегодняшний вечер выпал свободным от суеты, что само по себе являлось редкостью.

Спустившись во двор, я отпер свою грязно-баклажановую «*семерку*» и открыл все четыре двери.

Сейчас стоило радоваться, что Вера отказалась от предложения подвезти в общежитие номер семь.

Машина была инжекторной, но в салоне воняло бензином хуже, чем в карбюраторной «*копейке*». С наступлением тепла каждая поездка стала требовать предварительного проветривания. Нормальная девушка – будь хоть трижды деревенской – в ней бы просто умерла.

Убогий автомобиль принадлежал отцу, но он ездил мало: только в сад, а на работу добирался общественным транспортом.

Несмотря на редкие поездки, «*семерка*» постоянно ломалась. У моего родителя руки были вставлены не тем концом и не в то место, а я умел все, занимался ремонтом.

В прошлом году, в очередной раз восстановив систему зажигания, я отжал машину себе.

Отец практически не сопротивлялся. Поступив в университет, я отказался ездить с родителями в сад, старшая сестра отсекала их притязания еще раньше, когда окончила мединститут. Мать умерила огородный пыл, а ездить на грядки один отец мог и на электричке.

Мне машина была гораздо нужнее. Без нее мне не хватало бы времени на «*Русскую пиццу*».

Но старая «*семерка*» даже в моих руках рассыпалась на глазах.

Сейчас двигатель стал время от времени «*троить*», ни в одном сервисе не могли найти причину, выдвигали варианты: от засорившихся форсунок до сбоя в блоке управления – и говорили, что разберутся, лишь когда он заглохнет насовсем.

Но машина еще заводилась и ездилась, срок не настал.

Ожидая, пока из салона выветрится вонь, я сел на скамейку.

В кармане ожил телефон.

Взглянув на дисплей, я нажал «*горячий*» значок.

Вызов сбросился, абоненту ушло автоматическое СМС с лаконичным текстом:

«Извини, я за рулем, не могу говорить, перезвоню позже».

Подпрограмма была моим ноу-хау, я пользовался ею в ситуациях, когда не хотел ни с кем общаться.

Сейчас был именно такой момент, хотя звонила Наташа, официально считавшаяся моей невестой.

То, что она имелась, входило в формат нынешнего образа жизни.

Я оставался живым человеком.

Жизнь давалась один раз и проходила быстрее, чем следовало.

А Наташа была осознанной необходимостью.

Мои родители не относились к самому замшелому поколению, однако являлись классическим образцом советского пошиба.

Родить нас с сестрой они родили, но о дальнейшем не позаботились.

Вероятно, ими владели иллюзии, оставшиеся с периода, когда при наличии разнополых детей давали трехкомнатную квартиру.

Все то осталось в прошлом веке – в нынешнем жилье не получали, а покупали, выгрызали у жизни со скрежетом зубов. Моим родителям такое оказалось не под силу, мы существовали в двухкомнатной квартире, доставшейся от какого-то из дедов.

Отец был городским человеком, но рвался на грядки. Его не волновало жилье, каждую свободную минуту его ждал сад, где он мог сутками ковыряться в земле. Причем без ощутимого результата.

Глядя на родителя, я думал, что не знаю человека, более никчемного, чем он. И порой не понимал, зачем он живет на свете, коптит небо без радости для себя и без пользы для близких.

Детьми мы с сестрой жили в одной комнате, сейчас я спал в одном помещении с отцом, она – в другом, с матерью.

Ситуация, дикая для нормальных людей, соответствовала родителям – бесполым мокрицам, которым не имело разницы, где спать.

Говорить о возможности личной жизни в нашем доме не приходилось.

Результат был налицо.

Сестра обладала приемлемой внешностью, но перевалила через двадцать пять лет, а замужество ей так и не светило.

Женихи с квартирами искали невест, у которых имелось нечто большее, чем неприкаянный брат и пара ослов-родителей. Привести кого-то к себе она не могла, поскольку в нашей квартире не имелось возможности даже просто уединиться на пару часов без угрозы вторжения.

Сестра перебивалась случайными связями, встречалась с мужчинами где попало. Это наливало ее желчью и делало замужество все более проблематичным.

Мне, конечно, было проще: в нынешнем возрасте семья еще не требовалась. А женщин от случая к случаю я имел легко, особенно после того, как заимел машину.

Но тем не менее и я задумывался о будущем. И с тоской понимал, что мне тоже не светит ничего хорошего, поскольку при всех физических достоинствах дети нищих интересны только нищим.

А связывать себя с девушкой из помоечной семьи я не хотел, мне хватало нищebroдов родителей.

Наташа казалась перспективной.

Ее семья была нормальной, дочери предназначалась квартира какой-то бабки. Несколько лет назад старуха откочевала на тот свет, жилище освободилось и сделало Наташу завидной невестой.

Я нравился и ей и ее родителям, что не казалось удивительным: я был высок, строен, приличен и обладал специальностью, которая могла кормить в будущем.

Сама Наташа была уныла, в ней не имелось ничего, что делает из женщины женщину, а не просто существо противоположного пола.

Но я умел видеть приоритеты.

Перспектива оказаться в другом доме – навек забыть постылые рожи отца, матери и сестры – теоретически окрыляла.

Будучи человеком не до конца бесчестным, я решил, что сконцентрирую помыслы на Наташе, попытаюсь найти в ней достоинства, могущие дарить радость жизни.

Возможно, они в самом деле имелись, но пока я их не видел.

Прежде всего, Наташа была девственной и собиралась хранить себя до законного брака.

Такой взгляд шел вразрез с современными установками, но ради жизни без кровных родственников стоило наступить себе на горло.

Конечно, однокомнатная квартира не решала всех проблем, но лучше было жить в одной постели с женой, чем спать в одной комнате с отцом, который не пользуется дезодорантом.

Тем более, что погуляв с Наташей некоторое время, я все-таки добрался до ее тела.

И теперь, встречаясь на квартире покойной бабки, мы занимались тем суррогатом секса, который на западе принят в детском саду. Наташа не позволяла над собой большего, но получала от варианта удовольствие.

Я терпел, убеждал себя в том, что после женитьбы у нас все станет по-другому.

Но мне было не семьдесят лет, терпение оказалось небеспредельным.

В преднамеренном монашестве около Наташи я прожил целый год. Он дался нелегко.

Я продержался даже в самое тяжелое время: вытерпел весну, когда сокурсницы – равно как и прочие женщины – сняли шерсть и облачились в капрон. Вид первых ног на заснеженных улицах бил кулаком и отзывался в теле, но я это пережил.

Лишь когда настал по-летнему жаркий май и девицы разделись догола, я понял, что лишаю себя нынешней жизни ради призрачной будущей.

Вспомнив былое, я нашел в университете Андрея – с которым тоже целый год не общался – и спросил, не женился ли он.

Приятель остался холостым, квартира не перестала быть вертепом, но я колебался, разрешил себе поблажку в самый последний момент.

Не признаваясь, я надеялся, что появлюсь слишком поздно, все девицы будут разобраны и мне придется уехать, не солоно хлебавши.

Но я нашел Веру и эпизод вернул силы.

Точнее, отрезвил в понятиях.

Я понял, что жизнь не поддается регулировке. И что Наташа Наташей, но потерянное в чувственном плане не восполнится никогда.

Я решил, что поступил правильно.

Хотя, возможно, это было не так.

Вера на насытила меня, лишь разожгла аппетит.

Сейчас она уехала в общежитие пить чай с деревенской сестрой, а я чувствовал, что до потери пульса хочу женщину.

За год я растерял своих интимных подружек, а на проститутку – не грязную шлюху, а приличную девушку – у меня не было денег, жизнь шла на грани возможностей.

На бензин мне кое-как хватало, а на платную любовь – нет.

Пока я сидел и думал о жизни, пропел домофон, на крыльце Андреевского подъезда появилась староста Таня.

По собранному, приличному виду никто бы не догадался, откуда она идет.

– Ты меня подвезешь? – спросила она, увидев меня. – Устала как не знаю кто.

– Не могу, – с оттенком злорадства соврал я. – Машина не заводится.

Подвезти Таню я мог запросто, но мне не хотелось тратить на нее ни времени, ни сил.

То, что было когда-то, кануло в прошлое, повторения не предвиделось, а благотворительствовать я не любил.

Состроив снисходительную гримасу, Таня пожала плечами и молча зацокала прочь. Зад ее, обтянутый дорогими джинсами, был гораздо меньше Веринового.

Я достал телефон и открыл книгу контактов.

Нужный номер находился далеко, из-за редкого обращения быстрый набор не был настроен.

Я не помнил, когда в последний раз его вызывал.

Эльза была бывшей одноклассницей, близкой подругой сестры и – по совместительству – моей первой женщиной.

Как возник последний факт, я затруднялся сказать.

Посторонний человек вряд ли понял бы, почему Эльза оказалась первой, с которой я проявил настойчивость.

Сестрина подруга – в тот момент второкурсница медуниверситета – выбивалась из ряда девиц, которые вызывали у меня нескромные побуждения.

Она была маленькой и легкой, как куколка, с тонкими руками и ногами и крошечной грудью – больше походила на мальчишку в платье, чем на девушку.

Рядом с сестрой – высокой и статной, и, как тогда говорилось, грудастой – Эльза казалась младшим братцем, хотя была ее ровесницей.

В тот день стояло лето, я – студент-первокурсник – вышел на каникулы, у сестры шла особо горячая сессия.

Она поехала в институт по неотложным делам, я собрался идти по своим, но в дверях остановил ее звонок.

Лучшая подруга, которую я до того видел несколько раз, хотела забрать какой-то конспект, который требовался немедленно.

Родители, ясное дело, были на работе, сестра приказала мне остаться дома, чтобы впустить Эльзу и дать ей найти все, что нужно.

Радости от непредвиденной задержки я не испытал, но сестре в те годы не перечил.

Эльза меня не привлекала ни капли, что женского в ней было по нулям. Однако я всегда славился вежливостью и помог ей в поисках.

Родители витали в блаженном благодушии, не доходили до мысли, что дети необратимо выросли и негоже спать в одном помещении созревающему подростку с девятнадцатилетней сформировавшейся девушкой.

Статус кво, установленный давным-давно, застопорился во времени и почти не менялся.

Мы с сестрой жили в одной комнате.

Отец года два назад символически разъединил наши кровати старой мебельной «стенкой» – ко мне тылом, к сестре нишами. На большее его не хватило, хотя комната была громадной, а широкое окно позволяло поставить настоящую перегородку и получить две одинаково светлые половины.

Наш никчемный родитель всегда ограничивался полумерами, о чем говорил совокупный результат его жизни.

Конечно, раздевались мы не на глазах друг у друга, но граница территорий была формальной и мало что меняла.

Спальня оставалась общей и я, имея куда большую склонность к порядку, знал лучше сестры, что где у нее лежит.

Когда мы с Эльзой, невольно соприкасаясь и руками и прочим частями тел, принялись перерывать сестрин книжно-тетрадный развал, я понял, что ошибся насчет отсутствия женского.

В духоте квартиры от нее так сильно пахло женщиной, что было впору умереть.

Впрочем, я ошибся в воспоминаниях.

Запах женщины в тот день не был мне известен, от сестры ничем таким никогда не веяло.

Но еще ничего не зная, я понял, что и зачем делается на свете.

Дальше возник провал действительности.

Вроде бы мы искали конспект, потом радовались, что нашли, и смеялись.

Но затем что-то перешелкнуло и оказалось, что Эльзино летнее платье – синее с белыми сердечками – висит на спинке стула, а на нем лежат белые трусики и маленький белый лифчик.

Принято считать, что татары должны иметь черные волосы. Такими в большинстве они и являлись.

Например, Эльвира – с которой у нас было несколько моментов прежде, чем она переключилась на Игоря – во всех местах имела признаки жгучей брюнетки.

Подруга сестры тоже была татаркой, но волосы имела от природы светлые.

В процессе, который пошел сам по себе, я не ставил реальной цели. К тому возрасту я был подкован в порнографии но не имел уверенности, что хочу дойти до конца.

Ведь одну сущность представляли неизвестные интернетские тетки, занимавшиеся этим делом с такими же неизвестными дядьками, а совсем другую – живая подруга моей живой сестры.

И дело было не в том, что Эльза могла пожаловаться на меня, этого я опасался во вторую очередь. В первую я опасался себя.

Любой мальчишка, раздевающий первую в жизни женщину, мечтает стать мужчиной, но до смерти боится, поскольку событие является необратимым. В этом отношении я не выходил из общего разряда.

Продвигаясь к последней точке, я подсознательно полагал, что смогу остановиться в любой момент.

И, обладая сильной волей, в самом деле бы остановился.

Но когда Эльзины трусики упали на стул, я увидел, что в точке схождения ее ног клубятся золотые заросли.

И это решило все: во мне всколыхнулась темная сила, познанная год назад.

Мальчишкой я ездил в сад охотно, поскольку там было все-таки просторнее, чем дома.

Мой дурак-отец хватался за все, не умея ничего. Его садовые постройки оказывались непригодны для жизни. В туалет – грязную дощатую будку – было невозможно войти, повернуться и выйти без того, чтобы не разбить голову о притолоку. При любой возможности все мы обходились иными средствами.

Однажды я зашел за смородиновые кусты и наткнулся на писающую сестру.

Я жутко испугался и убежал, но успел увидеть, что между ее загорелых ног, разведенных на тупой угол, растут желтые волосы.

В ту пору меня уже начало томить неясное. Случайный взгляд на сестру поставил все по местам.

Я метнулся в туалет – показавшийся уютным – и наконец совершил то, что составляет главную радость мальчишки, еще не могущего быть мужчиной.

За сестрой я никогда не подглядывал, она не вызывала во мне чувств. С детства мы жили, как кошка с собакой, к моему отрочеству превратились в двух собак, без повода лающих друг на друга.

Интимное место, ударившее по глазам, ничего не изменило в отношениях, никакого вожделения к сестре не возникло.

Но увиденное стало открытием, запомнилось на всю жизнь.

Сейчас то же самое я обнаружил у Эльзы.

Пространство и время искривились еще раз, свет померк, а когда вернулась реальность, я обнаружил себя сидящим на стуле с нею в объятиях и услышал, как на пол что-то капает.

В отличие от будущего экономиста Веры, будущий педиатр Эльза за микрофлору не опасалась, с нею все произошло натурально.

Потом сознание пропадало толчками еще три раза, уже на моей кровати.

Вероятно, этим бы не ограничилось, но трезвомыслящая гостья хватилась вовремя и успела протереть пол прежде, чем из института вернулась сестра.

Пристойно выпив чаю и взяв эпохальный конспект, Эльза попросила проводить ее до остановки, поскольку опасалась заблудиться в незнакомом районе.

Когда мы удалились от дома, она взглянула снизу вверх и сказала, что ее попутал шайтан и случившееся никогда не повторится.

А во мне было больше страха, чем воспоминаний об удовольствии.

Я искренне полагал, что внезапный эпизод единичен и если что-то подобное повторится, то нескоро и не с Эльзой.

Но когда автобус отъехал, я смотрел вслед, видел в окне ее светлую головку, представлял ее маленькую упрямую грудь и думал, что...

О чем я думал, вспоминать не стоит: мальчишеские фантазии всегда нескромны, а уж после такого события и вовсе ужасны.

Эльза – сдержанная и скрытная – ничего не рассказала сестре, это я понял по тому, что отношение ко мне не стало хуже.

Но, видимо, изменился я сам. Происшедшее наложило отпечаток, заметный со стороны.

Когда мать решила, что нам больше нельзя спать вместе с сестрой, и я переселился к отцу.

Эпизод с ее подругой, несомненно, был единичным.

Все случилось спонтанно и самопроизвольно.

Эльза не нравилась мне как женщина – не могла нравиться, не обладая телесными достоинствами, обязательными в том возрасте. Просто она оказалась рядом, когда что-то сдвинулось в небесных сферах – сомкнулось на один момент, чтобы через миг разойтись.

Но через некоторое время сферы сдвинулись еще раз, потом еще и еще.

Как это получалось, я не мог понять, но получалось неизменно. И с какого-то момента я почувствовал, что Эльза начинает мне нравиться.

Во всяком случае, с нею я ощущал какой-то странный покой – какого не находил потом ни с кем, включая изоощренных девчонок у Андрея.

Набравшись знаний, я стал понимать, что Эльзе со мной тоже хорошо.

Свои эмоции она пыталась скрывать, всегда говорила, что этот раз – последний.

Я не спорил, не возражал, считался с установленными ею правилами игры.

Ведь я был моложе Эльзы, что автоматически поднимало ее на высокий уровень.

Очень быстро я почувствовал, что она относится ко мне слегка по-матерински.

Но это не мешало ей получать все нужные удовольствия.

Еще через некоторое время я понял, что Эльза страдает от невостробованности.

Женщин в нашем городе – как и во всей России – имелось в избытке, мужчинам требовались обильная грудь и длинные ноги. У моей первой женщины ничего этого не имелось, ее легкая фигурка привлекала лишь тонких ценителей, а таковых было мало.

Я в буквальном смысле слова носил Эльзу на руках и получал от того нешуточное удовольствие. Пожалуй, даже большее, чем соединение в постели.

Должно быть, она бы стала моей *«постоянной девушкой»* со всеми вытекающими обстоятельствами, не мешай жизненные условия.

Эльза тоже обитала в двухкомнатной квартире – с родителями и младшим братом.

Более того, имелась младшая сестра, но та была решительной и по достижении совершеннолетия стала жить то с одним, то с другим мужчиной, умея находить обеспеченных площадью.

Впрочем, природа отдохнула на старшей сестре – младшая была красавицей со всеми необходимыми формами.

Какими ухищрениями: от выкраивания дневного времени, когда мы были уже свободны, а родители еще не пришли, до лифтовых площадок и засиженных наркоманами чердаков – приходилось пользоваться нам с Эльзой, не хотелось вспоминать.

Корень проблемы заключался в общей непригодности этой страны для жизни нормальных людей.

Ни один американец, снимающий мотель на час, не поверил бы, что так можно существовать.

Лучшими были позднейшие эпизоды, когда Эльза уже работала в городской детской больнице. При отделении существовала кафедра педиатрии и моей избраннице удавалось раздобыть ключ.

Там имелся хороший диван и нам удавалось расслабиться, не слушать разговоров в коридоре.

Поступив в университет и познакомившись с Андреем, я пытался взять Эльзу на вечеринки. Но она отказывалась – говорила, что старше всех и над ней начнут смеяться.

Впрочем, ее жизнь была сложной.

Встречаясь со мной для потребностей тела, моя первая женщина имела платонический роман с преподавателем – женатым хлюстом, который не делал шага ни навстречу ни назад, а держал ее во взвешенном состоянии.

Когда в моей жизни появилась Наташа, сестра рассказала Эльзе.

Ничего не зная о наших отношениях, она не хотела унижить или позлить подругу. Просто ей хотелось поделиться новостью, которая сулила близкое *«освобождение от помочников родителей»*.

Мой уход из квартиры, не слишком конструктивный сам по себе, дарил сестре перспективы.

Прослышав, что я собираюсь жениться, сестра построила планы, как *«запиннает мать с отцом в маленькую комнату, на свою дверь повесит замок и будет приводить к себе хоть негров из колледжа сварщиков, причем сразу троих»*.

Эльза была порядочной до мозга костей. Узнав о том, что у меня завелась невеста, она заявила, что нашу связь надо прекратить.

Она так и сказала – *«связь»* – и это свидетельствовало о том, что наши отношения для нее были серьезными.

Голос Эльзы звучал не очень уверенно, она наверняка ждала, что я начну возражать, уговаривать на очередное свидание.

Я, конечно, радости не выразил, но почувствовал невнятное облегчение, как бывает всегда, когда что-то тяжелое – но необходимое – кто-то решает за тебя.

Несмотря на то, что у Андрея отрывался без башни, в душе я тоже был порядочным.

Жениться на Наташе я собрался из материальных – точнее, из бытовых – соображений.

Ничего плохого в том я не видел.

Все нормальные люди, которых я знал, женились по расчету.

Брак по любви в двадцать первом веке казался абсурдом.

Да и вообще в любовь я не верил.

Она существовала лишь в пылких стихах Пушкина – который сам никого не любил, только трахал.

Решив связать судьбу с Наташей, я постановил жить по-другому.

И сказал себе, что надо прекратить все остальное тоже.

Порвать с Эльзой казалось трудно, мы в самом деле были созданы друг для друга. Ее первый ход облегчил все.

Год и даже больше я жил без нее, хотя вспоминал часто.

Сегодняшний рейд к Андрею сорвал меня со стопора.

Чуть-чуть поколебавшись, я позвонил Эльзе.

Если мне суждено было начать все в прежнем ключе – то только с ней.

– Привет, Даниил, – сказала она, приняв вызов не сразу. – Как дела, жених?

Вопрос не удивил.

Ярлык был приклеен намертво.

– В пределах нормы, – ответил я. – А как у тебя?

С сестрой мы давно ни о чем не разговаривали, только ругались по всякому поводу и без повода тоже.

Я понятия не имел, как сейчас живет Эльза. Но допускал, что за год в ее жизни могло что-то поменяться.

Хотя, конечно, жилищные проблемы не могли сняться, а они были главными.

– Тоже так, – сдержанно ответила она. – Что хотел спросить? Говори, у меня мало времени.

То, что после черт знает какого перерыва Эльза разговаривала так, будто в последний раз мы перезванивались вчера, опять сказало многое.

Все это время она вспоминала меня не реже, чем я ее.

– Давай встретимся, – очень просто сказал я.

– Зачем? – еще проще спросила она.

– За тем.

По ту сторону линка раздался шум, зазвучали приближающиеся шаги.

– Иду, – сказала кому-то Эльза. – Бер минут.

Она действительно была занята, а не пыталась от меня отделаться.

– Но...

В телефоне зашуршало, Эльза чем-то прикрыла трубку.

– Ты ведь...

– Неважно, – перебил я. – Ничего не важно, не буду объяснять, просто неважно и все. Просто хочу с тобой встретиться.

– Прямо сейчас, или разрешишь переодеться? – с усмешкой уточнила она. – Снять халат, перекраситься, надеть черные чулки и бюстгальтер с пушапом?

– Прямо сейчас, а переодеться не надо. Твою грудь я люблю без «*push-up*» -а. В чулках ты жуть как хороша, но без ничего еще лучше, – серьезно ответил я. – Ты на работе? Можно подъехать?

– Я на работе, но подъехать нельзя. В последнее время многое изменилось. Кафедру педиатрии закрыли, то есть перенесли семнадцатую больницу. И вообще, Даниил, последний раз был самый последний.

– Это я помню. Но пусть будет еще один, последний из последних.

– Ну все, Даниил. Мне некогда.

– Я тебя хочу, Эльза.

Последние слова я произнес, тоже зажав телефон ладонью.

Кругом никого не было, но у нас до сих пор считалось зазорным признаться женщине в естественных желаниях.

– Я тебя хочу! – повторил я громко. – Хочу, понимаешь? Хочу тебя и только тебя, я соскучился! Давай я...

– Даниил, я уже все сказала, – повторила она. – Все то прошло, у тебя новая жизнь. И вообще меня зовет заведующая.

Не дожидаясь дальнейшего, Эльза дала отбой.

Я некоторое время смотрел на замолкший телефон, потом сунул его в карман.

Разговор слегка отрезвил.

В самом деле, бывшее ушло в прошлое.

Возможно, тот доцент – которого, как я почему-то сейчас вспомнил, звали Фаритом Мазгаровичем – наконец до нее снизошел.

Да я и сам не был уверен, что стоит возобновлять отношения.

К своей первой женщине я до сих пор относился серьезно.

Но шансов у меня не было ни на что, кроме Наташи.

Прирабатывая в пиццерийной сети, я еле-еле наскребал на кое-какую еду, обновление одежды, текущий ремонт машины и бензин.

Чтобы денег хватало еще на съем квартиры с кем-то другим, мне пришлось бы бросить учебу и работать целыми днями. Но вряд ли кому-то требовался компьютерщик с дипломом ничтожного бакалавра, меня и при пицце-то держали лишь потому, что не за горами светил магистерский.

Секс оставался сексом, а жизнь – жизнью, с ее требованиями приходилось считаться.

Несколько минут назад договорился с Верой о визите общежитие.

Но и визит я отложил сообразно обстоятельствам.

Завтра предстояло идти с Наташей в гости к какой-то ее тетке – то ли родной, то ли двоюродной, то ли названной.

А послезавтра заняла известная московская певица, дорогие билеты на концерт которой нам купил будущий тесть.

Здесь тоже шла игра по правилам, которым следовало подчиняться.

При всей неукротимой молодости я не был дураком. И прекрасно понимал, что если – как однажды в сердцах сказала сестра – *«промашиу пенисом слишком долго»*, то сам не замечу, как окажется *«нечем махать»*.

Слегка успокоившись, я раскинул мыслями.

Сегодняшний поход к Андрею вызвал вину перед Наташей.

Точнее, перед самим собой, изменившим своему решению.

Большая задница Веры, влажно прижавшаяся к моему животу, до сих пор стояла перед глазами.

Стояла даже сильнее, чем в реальности. Я вспомнил, что на правой ягодице – в верхней трети, чуть ближе к ложбинке – имелась коричневая родинка в форме острова Гренландия. Глядя, я не видел, сейчас ее вернула зрительная память.

Ничего прочего я у Веры не рассмотрел и не потрогал, это хотелось наверстать.

Хотелось сильно, надо мной повисла опасность сорваться всерьез.

Два дня паузы спасали от ненужностей, я мог успокоиться и передумать относительно поездки.

Но все-таки неудовлетворенность, рожденная отказом Эльзы, продолжала томить.

Впору было начать разговор с Алисой – но до такого тупика я еще не дошел.

Голод тела стоило компенсировать утолением просто голода.

На этот случай у меня имелось еще одно ноу-хау.

В *«Русской пицце»* мне платили ставку, не зависящую от объема работы. Я мог появляться там раз в неделю, а мог каждый день, все зависело от производственной необходимости.

Моей оговоренной обязанностью было поддерживать внутреннюю сеть в рабочем состоянии. Это не составляло труда. Я просто следил за тем, чтобы туда не пришло ничего лишнего снаружи и регулярно очищал от мусора.

Но сеть оставалась сетью и жила по своим законам. Иногда случались сбои, тогда меня срочно вызывали для устранения.

В таких случаях по завершении форсмажорной работы меня чем-нибудь кормили – просто так, в качестве внепланового поощрения. Обычно удавалось съесть какой-нибудь салат, но иногда перепадала настоящая пицца.

Для регулировки непредвиденностей я разработал схему. Она позволяла побаловать себя хорошей едой за бесплатно и ощутить не полную беспросветность жизни.

Я снова вынул телефон и пробежал адресную книгу до конца. Внизу открылась последняя запись – «Юлия».

Никаких Юлий среди моих девушек не имелось, я не переносил имени и с носительницами не знакомился. Контакт был средством создания благоприятных ситуаций, понятным только мне.

На странице Юлии значилось несколько телефонных номеров, взятых с потолка, там же была ссылка на сообщество под названием «ЕГЭ2015». Ни один дурак, найдя телефон, разблокировав пины и перерыв контент ради голых фоток моих подружек, не полез бы в древнюю запись, сохранившуюся со школьных времен.

И даже умный не догадался бы, что единый экзамен скрывает хакерский вход в сеть «Русской пиццы».

Открыв, я засылал им вирус.

Не настоящий, конечно – встраивающийся в систему и разрушающий изнутри – а маленький твикер, который перемещал в другую папку один из исполняемых файлов 1С. Причем умел это делать при запущенной программе.

Стоило обратиться к «Юлии», как через несколько минут во всех пиццериях висли базы и дежурный менеджер вызывал меня.

Я приезжал с озабоченным лицом, некоторое время делал вид, что ищу причину сбоя, потом за пять секунд возвращал экзэшник на место и в благодарность получал еду.

Андрей – согласно статусу рождения – разгильдяйствовал на полную катушку, на занятия не ходил, все на свете покупал, но дураком не был. Он не раз говорил, что я – «айтишник от бога» – и мне светит серьезное будущее.

Я и сам это знал.

Помимо «Юлии», я имел ряд других подобных программ, пока еще не опробованных всерьез. Я умел видеть реальность и расставлять приоритеты.

Пока я всего лишь кормился. Но не сомневался, что когда выйду на простор и стану порядочным человеком – смогу воровать не кусками пиццы, а цистернами нефти – то обогащусь своими умениями.

А потом, перейдя на еще более высокий уровень, продам свои разработки серьезной хакерской банде и стану получать роялти, ничего не делая сам.

Сегодня Юлия могла скрасить вечер.

Несколько минут с Верой меня слегка обессилили. На этот раз стоило возиться подольше, устранить проблему не с первой попытки, раздуть себе цену и вытребовать два больших куса пиццы: с креветками и с сыром «моцарелла».

Совершив недоброе дело, я пошел к машине.

Подкрепиться хотелось скорее, я решил подъехать как можно ближе к главному ресторану сети, где стоял сервер.

Когда я захлопнул все двери, сел в вонючую «семерку» и попытался завести двигатель, стартер беспомощно зашелкал.

Решив, что пропал «минус на массу», я чертыхнулся, вылез из-за руля, поднял капот, отвернул гайку всегда готовым ключом, снял и надел клемму.

Но едва опять повернул ключ, как из панели раздалось:

– ...леко-о, далеко-о
Ускакала в поле молодая лошадь,
Так легко-о, так ле...

– и тут же все погасло.

Ситуация прояснилась.

Пребывая в неуверенности относительно действий, я забыл выключить магнитолау.

Она была установлена не по-человечески – как и все у отца – питалась непосредственно от аккумулятора, работала при выключенном зажигании. Проводку провели так, что мне не удавалось подключить ее по-другому.

В итоге она играла все время, проведенное у Андрея, и аккумулятор – такая же рухлядь, как и все остальное – сел в ноль.

И это, уж точно, было наказанием за грехи перед Наташей.

Менеджер позвонил через пять минут, а я еще никуда не ехал, шарахался по двору, как та молодая лошадь, в поисках кого-нибудь, кто даст «*прикурить*».

В двадцать один год я так устал от жизни, что не мог пересказать.

3

Ни Наташина тетка, ни концерт в большом городском зале не отвратили от решения.

Я пошел вразнос, хоть и чувствовал неправоту.

Общежитие №7 – расположенное в двух кварталах от экономического факультета – на вид было страшнее Чернобыля.

Яндекс-навигация ошибалась, сначала я подъехал не туда, затем припарковался под знаком и заметил это, лишь выйдя из машины. А потом, переставив ее в приемлемое место, долго пытался открыть дверь парадного входа.

Я, вероятно, провел бы там немало времени, если бы не две девчонки с голыми ляжками, которые пробежали мимо. Поглядев на мои муки, они захихикали, сказали, что вход уже давно сделан с торца, и пригласили в гости.

В гости я собирался к Вере, но в общагу зашел вместе с этими – как сказала бы сестра – «сикотками», полагая, что так будет меньше вопросов.

Вахтерша, не отрываясь от смартфона, бросила мой студенческий в ящик конторки, не раскрыв и не поинтересовавшись, к кому я иду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.